

судья: М.В. Невзорова
гражданское дело №33-10167

АПЕЛЛЯЦИОННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

город Москва

26 марта 2015 года

Судебная коллегия по административным делам Московского городского суда в составе
председательствующего А.Н. Пономарёва,
судей В.В. Лукьянченко, В.В. Ставича,

при секретаре А.В. Петрове,

рассмотрела в открытом судебном заседании по докладу судьи А.Н. Пономарёва дело по апелляционным жалобам В.В. Королёвой, действующей также в интересах Н.В. Королёва, на решение Бабушкинского районного суда г. Москвы от 25 декабря 2014 года по делу по заявлению В.В. Королёвой, действующей также в интересах Н.В. Королёва, об оспаривании действий и бездействия ФСИН России, Управления ФСИН России по Ямало-Ненецкому автономному округу, ФКУ ИК № 18 УФСИН России по Ямало-Ненецкому автономному округу, которым в удовлетворении заявленных требований отказано,

установила:

В.В. Королёва, действующая также в интересах Н.В. Королёва, обратилась в суд с указанным выше заявлением, ссылаясь на нарушение прав заявителей на оказание медицинской помощи с применением вспомогательных репродуктивных технологий.

Требования мотивированы тем, что В.В. Королёва, заключив брак с Н.В. Королёвым в тот период времени, когда он отбывает наказание в виде пожизненного лишения свободы в строгих условиях, лишена возможности иметь от него ребенка. Заявители полагают, что должностные лица уголовно-исполнительной системы не оказывают необходимого содействия в оказании Н.В. Королёву медицинской помощи в части применения вспомогательных репродуктивных технологий. В частности, ФКУ ИК № 18 УФСИН России по Ямало-Ненецкому автономному округу не принимают мер к этапированию Н.В. Королёва в г. Екатеринбург, где он может пройти медицинское обследование и сдать биологический материал для экстракорпорального оплодотворения.

Решением Бабушкинского районного суда г. Москвы от 25 декабря 2014 года постановлено: в удовлетворении заявления В.В. Королёвой, Н.В.

Королёва об оспаривании действий и бездействия ФСИН России, Управления ФСИН России по Ямало-Ненецкому автономному округу, ФКУ ИК № 18 УФСИН России по Ямало-Ненецкому автономному округу отказать.

В апелляционных жалобах В.В. Королёвой, действующей также в интересах Н.В. Королёва, ставится вопрос об отмене решения.

В заседании судебной коллегии В.В. Королёва, действующая также в интересах Н.В. Королёва, её представитель А.Л. Бурков, по доверенности от 25 марта 2015 года, доводы апелляционных жалоб поддержали.

Представитель ФСИН России - И.В. Комарова, по доверенности от 15 апреля 2013 года, просила решение суда оставить без изменения.

Судебная коллегия на основании ст. 167 ГПК РФ сочла возможным рассмотреть дело в отсутствие Н.В. Королёва, Управления ФСИН России по Ямало-Ненецкому автономному округу, ФКУ ИК № 18 УФСИН России по Ямало-Ненецкому автономному округу, извещённых о времени и месте судебного заседания.

При этом судебная коллегия в соответствии с протокольным определением отказала в удовлетворении ходатайств заявителей о рассмотрении апелляционной жалобы с участием Н.В. Королёва, поскольку его этапирование для рассмотрения гражданского дела нормами ГПК РФ и Уголовно-исполнительного кодекса РФ не предусмотрено, а техническая возможность использования систем видеоконференц-связи с ФКУ ИК № 18 УФСИН России по Ямало-Ненецкому автономному округу отсутствует.

Проверив материалы дела, выслушав В.В. Королёву, действующую также в интересах Н.В. Королёва, её представителя, представителя ФСИН России, обсудив доводы жалоб, судебная коллегия приходит к выводу о том, что решение суда первой инстанции является законным и обоснованным.

В соответствии с ч. 1 ст. 330 ГПК РФ основаниями для отмены или изменения решения суда в апелляционном порядке являются: 1) неправильное определение обстоятельств, имеющих значение для дела; 2) недоказанность установленных судом первой инстанции обстоятельств, имеющих значение для дела; 3) несоответствие выводов суда первой инстанции, изложенных в решении суда, обстоятельствам дела; 4) нарушение или неправильное применение норм материального права или норм процессуального права.

Таких оснований для отмены или изменения обжалуемого судебного постановления в апелляционном порядке по доводам апелляционной жалоб, изученным по материалам дела, не имеется.

Установлено, что в соответствии с приговорами Московского городского суда от 15 мая 2008 года и от 10 апреля 2012 года Н.В. Королёв отбывает назначенное ему наказание в виде пожизненного лишения свободы в ФКУ ИК № 18 УФСИН России по Ямало-Ненецкому автономному округу в строгих условиях.

Обращения супругов Королёвых к должностным лицам уголовно-исполнительной системы, в которых они ссылались на невозможность иметь детей из-за режима содержания Н.В. Королёва, определенного согласно предписаниям ч. 3 ст. 127, ч. 3 ст. 125 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (два краткосрочных свидания в течение года на протяжении 10 лет), были рассмотрены и разрешены в установленные законом сроки.

В частности, заявителям разъяснено, что предоставление длительных свиданий не допускается в силу ч. 3 ст. 123 Уголовно-исполнительного кодекса РФ.

В соответствии с названной нормой материального права в строгие условия отбывания наказания по прибытии в исправительную колонию особого режима помещаются все осужденные. Перевод из строгих условий отбывания наказания в обычные условия отбывания наказания производится по отбытии не менее 10 лет в строгих условиях отбывания наказания по основаниям, указанным в части шестой статьи 124 настоящего Кодекса. Если в период пребывания в следственном изоляторе к осужденному не применялась мера взыскания в виде водворения в карцер, срок его нахождения в строгих условиях отбывания наказания исчисляется со дня заключения под стражу.

Согласно части 4 той же статьи по отбытии не менее 10 лет в обычных условиях отбывания наказания осужденные могут быть переведены в облегченные условия по основаниям, указанным в части второй статьи 124 настоящего Кодекса.

Осужденные, отбывающие наказание в строгих условиях, проживают в помещениях камерного типа. Им разрешается: ежемесячно расходовать на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости помимо средств, указанных в части второй статьи 88 настоящего Кодекса, иные средства, имеющиеся на их лицевых счетах, в размере семисот рублей; иметь два краткосрочных свидания в течение года; получать одну посылку или передачу и одну бандероль в течение года; пользоваться ежедневной прогулкой продолжительностью полтора часа (часть 3 ст. 125 Уголовно-исполнительного кодекса РФ).

На другие заявления В.В. Королёвой, в которых она обращалась за содействием в предоставлении медицинских услуг с целью искусственного оплодотворения, в частности, просила этапировать Н.В. Королёва в г. Екатеринбург, расположенный в другом субъекте РФ, для оказания ему медицинской помощи, включая проведение его медицинского обследования, передачу сотрудниками уголовно-исполнительной системы полученного от Н.В. Королёва биологического материала также даны ответы должностными лицами уголовно-исполнительной системы в соответствии с нормами Федерального закона от 2 мая 2006 г. N 59-ФЗ "О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации".

Так, В.В. Королёвой разъяснено, что органы исполнения наказания не препятствуют проведению медицинского обследования Н.В. Королёва, признают за В.В. Королёвой право на организацию и проведение необходимых медицинских исследований и процедур в отношении Н.В. Королёва с согласия последнего (письма ФСИН России от 27 мая 2014 года, от 9 октября 2014 года, письмо ФКУ ИК № 18 УФСИН России по Ямало-Ненецкому автономному округу от 2 июня 2014 года, письмо от 9 июля 2014 года Управления ФСИН России по Ямало-Ненецкому автономному округу).

При этом заявителям разъяснено, что у должностных лиц уголовно-исполнительной системы отсутствуют правовые основания для этапирования Н.В. Королёва в другой субъект России.

Указанные обстоятельства нашли подтверждение в судебном заседании и не свидетельствуют о нарушении закона со стороны ФСИН России, Управления ФСИН России по Ямало-Ненецкому автономному округу, ФКУ ИК № 18 УФСИН России по Ямало-Ненецкому автономному округу в силу следующего.

Статья 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации допускает возможность ограничения федеральным законом прав человека гражданина в качестве средства защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Такие ограничения, в частности, могут быть связаны с применением к лицам, совершившим преступления, уголовного наказания в качестве меры государственного принуждения, особенность которого состоит в том, что при его исполнении на осужденного осуществляется специфическое воздействие, выражающееся в лишении или ограничении его определенных прав и свобод и возложении на него определенных обязанностей.

Относя к ведению Российской Федерации, Конституция Российской Федерации (статья 71, пункт "о") тем самым наделяет федерального законодателя полномочием вводить подобного рода ограничительные меры.

Устанавливая в качестве одного из видов наказания лишение свободы, государство действует как в своих интересах, так и в интересах общества и его членов. При этом его исполнение изменяет привычный ритм жизни человека, его отношения с окружающими людьми и имеет определенные морально-психологические последствия, ограничивая тем самым не только его права и свободы как гражданина, но и его права как личности. Такое ограничение связано с его противоправным поведением и обуславливается необходимостью ограничения его естественного права на свободу в целях защиты нравственности, прав и законных интересов других лиц.

В уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве определяются как меры уголовного наказания с различным комплексом ограничений, соответствующих тяжести наказания, так и порядок отбывания этого наказания. Устанавливая указанные меры, законодатель исходит из того, что в целом осужденные обладают теми же правами и свободами, что и остальные граждане, за исключением, обусловленными особенностями их личности, совершенных ими преступлений и специальным режимом мест лишения свободы.

Предусмотренные как статьями 125 и 127 Уголовно-исполнительного кодекса РФ, так и другими его нормами ограничения, в том числе касающиеся порядка получения свиданий с родственниками и иными лицами, направлены на индивидуализацию и дифференциацию условий отбывания наказания и создают предпосылки для достижения целей наказания, которыми согласно части второй статьи 43 УК Российской Федерации являются восстановление справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения им новых преступлений.

Необходимость законодательной регламентации свиданий осужденных с их близкими и родственниками вытекает и из положений утвержденного Генеральной Ассамблеей ООН 9 декабря 1988 года свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, в частности из принципа 19, и обуславливается спецификой как уголовного судопроизводства, так и материальных уголовно-правовых отношений, включая применение в их рамках наказания в виде лишения свободы.

Европейский Суд по правам человека в своих решениях указал, что для того, чтобы уточнить обязанности, которые статья 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод возлагает на Договаривающиеся Государства в области посещения тюрьмы, нужно учитывать нормальные и разумные требования тюремного заключения и объем свободы усмотрения, предоставляемого национальным властям, когда они регулируют контакты заключенного с семьей, имея при этом в виду, что "любое заключение влечет по своей природе ограничение личной и семейной жизни заинтересованного лица" (постановления от 27 апреля 1988 года "Бойл и Райс против Соединенного Королевства" ("Boyle et Rice v. United Kingdom"); от 11 июля 2000 года "Дикме против Турции" ("Dikme v. Turkey"); от 28 сентября 2000 года "Мессина против Италии" ("Messina v. Italy").

Ограниченность предоставленных осужденному свиданий по их количеству, продолжительности и условиям проведения является неизбежным следствием данной меры наказания, состоящей в изоляции осужденного в специальном месте под охраной. И с этой точки зрения нормы Уголовно-исполнительного кодекса РФ. Которые применил суд, сами по себе не устанавливают каких-либо дополнительных ограничений, помимо тех, которые, по смыслу статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, вытекают из самого существа такой меры наказания, как лишение свободы.

При этом комплекс ограничений различен и дифференцируется в зависимости в первую очередь от тяжести назначенного судом наказания, соответствующего характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Наибольший объем этих ограничений предусмотрен для лиц, осужденных в качестве альтернативы смертной казни к пожизненному лишению свободы за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь (часть первая статьи 57 УК РФ), и отбывающих наказание в исправительных колониях особого режима (пункт 4 части первой статьи 58 УК РФ).

Право на неприкосновенность частной жизни (статья 23, часть 1, Конституции РФ) означает предоставленную человеку и гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера. В понятие "частная жизнь" включается та область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если она носит непротивоправный характер. Однако, как указал Европейский Суд по правам

человека, "основная цель статьи 8 состоит в защите отдельного лица от своевольного вмешательства государственных властей". Определяя меру наказания в виде лишения свободы за совершенное преступление, государство не оказывает самовольное вмешательство в частную жизнь гражданина, а лишь выполняет свою функцию по защите общественных интересов (постановление от 28 мая 1985 года "Абдулазис, Кабалес и Балкандали против Соединенного Королевства" ("Abdulaziz, Cabales et Balkandali v. United Kingdom").

Лицо, имеющее умысел на совершение тяжких преступлений, должно предполагать, что в результате оно может быть лишено свободы и ограничено в правах и свободах, в том числе в праве на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, и, следовательно, в возможности рождения ребенка. Совершая преступления, оно само сознательно обрекает себя и членов своей семьи на такие ограничения.

На основании изложенного Конституционный Суд РФ в Определении от 9 июня 2005 г. N 248-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захаркина Валерия Алексеевича и Захаркиной Ирины Николаевны на нарушение их конституционных прав пунктом "б" части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации" пришёл к выводу, что приведённые нормативные положения установлены законодателем в пределах своей компетенции и не нарушают справедливый баланс между интересами общества в целом и интересами личности.

Изложенное опровергает доводы жалоб о том, что суд неправильно применил нормы материального права и не вправе был учитывать тот факт, что Н.В. Королёв, совершая умышленные особо тяжкие преступления, должен был предполагать не только возможность лишения его свободы, но и ограничение других его прав, в том числе и тех, по поводу которых возник спор.

Доводы жалоб о том, что решение суда в недостаточной степени мотивировано, а, следовательно, несправедливо, не соответствуют действительности.

В этой части заявители ссылаются, среди прочего, на постановление ЕСПЧ от 4 декабря 2007 года по делу Диксоны против Соединенного Королевства, утверждают, что недостаточная, по их мнению, мотивированность обжалуемого судебного акта позволяет им сделать вывод о том, что дело рассмотрено в незаконном составе суда, а их желание иметь

ребенка не может затронуть интересы государственной безопасности и не нарушает баланс частных и публичных интересов.

Однако указанные доводы не соответствуют действительности и не учитывают конкретных обстоятельств дела, установленных судом, которые по существу в жалобах не оспариваются.

Так, в жалобах не оспаривается, что должностные лица органов исполнения наказания не могут по своему усмотрению изменить условия отбывания Н.В. Королёвым наказания либо эпатировать его в другой субъект Российской Федерации при удовлетворительном состоянии его здоровья и отсутствии какой-либо угрозы его жизни и здоровью. При этом они не препятствуют В.В. Королёвой организовать и провести медицинские исследования и процедуры в отношении Н.В. Королёва в условиях тех ограничений, которые он должен соблюдать в соответствии с вступившими в силу приговорами суда.

Развивая правовые принципы, изложенные в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу "Диксон против Соединенного Королевства", ЕСПЧ в последующем в Постановлении от 05.06.2014 "Дело Терещенко (Tereshchenko) против Российской Федерации" (жалоба N 33761/05) указал, что хотя цель статьи 8 Конвенции заключается прежде всего в защите лица от произвольного вмешательства со стороны публичных органов, она не просто вынуждает государство воздерживаться от подобного вмешательства: в дополнение к этому изначально негативному обязательству может возникать позитивное обязательство, присущее эффективному соблюдению права на уважение личной жизни (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Аксу против" (Aksu v. Turkey), жалобы N 4149/04 и 41029/04, § 59, ECHR 2012). Эти обязательства могут включать принятие мер, направленных на обеспечение уважения личной жизни (см. там же). Границы позитивного и негативного обязательств государства в соответствии с этим положением не позволяют дать им точное определение. Тем не менее применимые принципы являются аналогичными. В обоих случаях должно быть установлено справедливое равновесие между конкурирующими интересами лица и общества в целом, и в обоих контекстах государство пользуется определенными пределами усмотрения (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Диксон против Соединенного Королевства" (Dickson v. United Kingdom), жалоба N 44362/04, § 70, ECHR 2007-V, и Решение Европейского Суда по делу "Дейвисон против Соединенного Королевства" (Davison v. United Kingdom) от 2 марта 2010 г., жалоба N 52990/08).

Таким образом, механическое перенесение выводов, содержащихся в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу "Диксон против Соединенного Королевства", на настоящее дело противоречит правилам применения прецедентной практики ЕСПЧ.

Как следует из положений ст. 46 Конвенции о защите прав человека и основных свобод ETS N 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изм. и доп. от 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1971 г., 1 января 1990 г., 6 ноября 1990 г., 11 мая 1994 г.), ст. 1 Федерального закона от 30 марта 1998 года N 54-ФЗ "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней", для суда, рассматривающего настоящее дело, являются обязательными только те правовые позиции ЕСПЧ, которые содержатся в окончательных постановлениях ЕСПЧ, принятых в отношении Российской Федерации.

Согласно п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. N 21 "О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней" судом также должны учитываться правовые позиции ЕСПЧ, изложенные в ставших окончательными постановлениях, которые приняты в отношении других государств - участников Конвенции, если обстоятельства рассматриваемого им дела являются аналогичными обстоятельствам, ставшим предметом анализа и выводов Европейского Суда.

Исходя из этого, судебная коллегия принимает во внимание как признанные за Российской Федерацией пределы усмотрения по спорному вопросу, выраженные в национальном законодательстве при установлении справедливого равновесия между конкурирующими интересами лица и общества в целом, так и конкретные обстоятельства настоящего дела, в том числе объяснения заявителя в суде апелляционной инстанции.

Так, в заседании судебной коллегии В.В. Королёва пояснила, что в г. Екатеринбурге, куда она просит этапировать Н.В. Королёва, отсутствует исправительная колония, обеспечивающая исполнение приговоров суда в части строгих условий его содержания. Она показала, что медицинские рекомендации Н.В. Королёву исходят из того, что ему требуется определенный период времени для восстановления способности к зачатию ребенка, при этом начальником ФКУ ИК № 18 УФСИН России по Ямало-Ненецкому автономному округу принято решение о продлении Н.В. Королёву срока его содержания в строгих условиях отбывания наказания по мотивам привлечения Н.В. Королёва к дисциплинарной ответственности, которое последний не обжаловал. Вместе с тем, В.В. Королёва не смогла

назвать период времени, на который требуется поместить Н.В. Королёва в СИЗО г. Екатеринбурга, предположив, что Н.В. Королёву необходим длительный период реабилитации способности к зачатию ребенка, который может увеличиться с учетом и её способности к зачатию ребенка.

При таком положении требования заявителей в защиту права на рождение ребенка фактически сводятся к изменению должного режима отбывания назначенного Н.В. Королёву наказания, что несовместимо как с действиями самого Н.В. Королёва, направленными на совершение дисциплинарных проступков, так и с теми ограничениями в интересах общества и государства, которые наложены на Н.В. Королёва приговорами суда.

Поощрение противоправного поведения Н.В. Королёва в период отбывания им наказания противоречит и закреплённым в законе задачам исправления осуждённого.

Аналогичные обстоятельства (противоправное поведение осуждённого, необходимость изменения назначенного приговором суда режима отбывания им наказания, этапирования осуждённого в учреждение, не исполняющее функции исполнения приговора и находящееся в другом климатическом поясе), ставшие предметом анализа и выводов в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу "Диксон против Соединенного Королевства" отсутствуют.

На основании изложенного суд первой инстанции правильно фактически исходил из того, что избранный заявителями способ защиты права на личную жизнь гипертрофирован в ущерб публичным интересам, поскольку в контексте сложившейся правовой ситуации направлен как на изменение условий содержания Н.В. Королёва вопреки действующим законодательным ограничениям, так и возложение на должностных лиц органов уголовно-исполнительной системы обязанностей, включая задействование финансовых и человеческих ресурсов, за границами нормативно-должного в системе действующих предписаний, регулирующих цели деятельности органов уголовно-исполнительной системы и функциональные обязанности их должностных лиц, в которые не входит оказание Н.В. Королёву услуг, по поводу которых возник спор, при отсутствии к тому медицинских показаний.

То обстоятельство, что сами заявители не воспользовались иными средствами правовой защиты в рамках назначенного Н.В. Королёву режима отбывания наказания, не свидетельствует о том, что инициатива по реализации права на частную жизнь заявителей и её материальное

стимулирование должна исходить от должностных лиц уголовно-исполнительной системы.

При таком положении суд справедливо отказал Королёвым в удовлетворении заявленных ими требований в рамках главы 25 ГПК РФ.

Решение суда достаточно мотивировано, в том числе и ссылками на нормы международного права, что позволяет суду апелляционной инстанции повторно рассмотреть дело как по вопросам факта, так и по вопросам права.

С учетом изложенного суд первой инстанции не допустил нарушения прав заявителей на рассмотрение их жалобы судом апелляционной инстанции.

Поскольку решение принято судом при правильном применении норм материального права и с соблюдением норм процессуального права, оно является законным и обоснованным и отмене не подлежит.

Апелляционные жалобы не содержат доводов, которые являются основанием для отмены решения суда.

Руководствуясь ст. 328, ст. 329 ГПК РФ, судебная коллегия по административным делам Московского городского суда

определила:

решение Бабушкинского районного суда г. Москвы от 25 декабря 2014 года оставить без изменения, апелляционные жалобы без удовлетворения.

Председательствующий *[Handwritten Signature]*

Судьи

[Handwritten Signatures]

